

ГОДЪ XLIII.

Еженедѣльное

изданіе.

№ 34.

августа 20-го 1911 г.

Москва, Лиховъ пер.,
Епархіальный домъ, редакция
„Моск. Церк. Вѣдомостей“.

Подписная цѣна: безъ достав-
ки на годъ 3 р. 50 к., на пол-
годъ 2 р., на три мѣсяца 1 р.,
на мѣсяць 40 к.

Съ доставкой и пересылкою
на годъ 5 р., на полгода 3 р.,
на 8 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣ-
сяць 1 р.

Отдѣльные №№ продаются въ
Редакціи Московскихъ Церков-
ныхъ Вѣдомостей.

Редакція открыта отъ II до I ч. дня.

Въ среду и четвергъ, а также въ воскресные
и праздничные дни редакція закрыта.

Объявленія принимаются за стро-
ку или мѣсто строки: за 1 разъ
30 к., за 2 раза 50 к., за 3 раза
70 коп., на годъ — по особому
условію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„МОСКОВСКІЯ ЦЕРКОВНЫЯ ВЪДОМОСТИ“
и „БЛАГОВѢСТЬ“
на 1911 годъ.

НА ПРЕЖНИХЪ УСЛОВІЯХЪ.

Въ случаѣ неисправной доставки №№ Московскихъ Церковныхъ Вѣдо-
стей и Московскаго Благовѣста, Редакція проситъ немедленно уведо-
млять ее, такъ какъ она не имѣетъ возможности проверять жалобы на
неисправную доставку, поступающія въ Редакцію по истеченіи иногда
значительнаго срока. При этомъ, для поверки, Редакціи необходимо печ-
атный адресъ, который Редакція и проситъ прилагать при заявленіяхъ.

Объявленія, исходящія отъ частныхъ лицъ, а не отъ Обществъ и Братствъ,
официально утвержденны высшею Епархіальною Властью, Редакція не считаетъ себя
обязанною печатать впереди текста.

При личномъ взносѣ денегъ Редакція проситъ брать изъ Редакціи квитанцію въ полученіи денегъ.

Въ виду того, что каждый выходящій № готовится съ понедѣльника, всѣ объявленія, но-
сящія характеръ официальныхъ объявленій, Редакція проситъ доставлять непременно за недѣлю. Въ
противномъ случаѣ она не отвѣчаетъ за своевременное печатаніе ихъ.

Отъ Дмитровскаго Отдѣленія Московскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Сего 1911 года сентября 6 дня въ 17-ю годовщину Братства Св. Креста Господня въ Дмитровскомъ Успенскомъ Соборѣ будутъ совершены соборные Божественная Литургія и благодарственный молебенъ, а по окончаніи ихъ имѣть быть годичное собраніе членовъ Братства.

Начало Литургіи въ 9 часовъ.

О. завѣдующіе, законоучители, попечители и попечительницы церковно-приходскихъ школъ Дмитровскаго уѣзда и всѣ сочувствующіе цѣлямъ Братства симъ приглашаются пожаловать.

16 августа Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Владыка Митрополитъ Московскій, изволилъ отбыть въ Петербургъ для присутствія въ Святейшемъ Синодѣ.

Двѣ матушки.

(Не для однѣхъ матушекъ.)

Ихъ можетъ быть и не двѣ, а нѣсколько. Но почти одновременно мнѣ пришлось прочесть отрадное сообщеніе о двухъ матушкахъ. Скромный подвигъ одной описываетъ земскій дѣятель. Вотъ живое описаніе путевыхъ впечатлѣній земскаго дѣятеля, занесенное, между прочимъ, на страницы „Божіей Нивы“ (Посѣвы и входы, августъ). Приводимъ его дословно съ незначительнымъ сокращеніемъ.

Былъ уже седьмой часъ вечера, когда я входилъ въ земскую квартиру, — рассказываетъ земскій дѣятель, — къ удивленію оказавшуюся и чистой и просторной.

— Чайку бы съ дорожки испить, — обратился я къ плотному, коренастому хозяину квартиры.

— А нельзя ли, ваше благородіе, чуточку повременить...

— Отчего это? искренно удивился я.

— Да бабы все ушли... И моя Акулина, и дочки въ школѣ. Учатся тамъ... Тепереча недолго. Мигомъ вернутся.

— Въ школѣ?.. Учатся?.. Да развѣ у васъ и вечерами бываютъ занятія? И развѣ у васъ и взрослые учатся?

Хозяинъ съ самымъ довольнымъ видомъ заулыбался, насколько могъ, сдѣлалъ осмысленные глаза и нѣсколько разъ погладилъ свою густую окладистую бороду.

— Не вы первый дивитесь... Много проѣзжаго люда и слухомъ не слышали о нашемъ житьѣ... А что, скажите

на милость, имъ зимой-то и дѣлать? Зимой у насъ въ деревнѣ, извѣстно, мертвая спячка... Не знаешь, куда дѣвать время, куда пристроить себя. Учатся... Да еще какъ! Наши павловскія бабы умнѣе мужиковъ теперь сдѣлались...

Бородачъ немного помолчалъ, видимо, довольный тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на меня его несложный разговоръ.

— Учатся. А все, ваше благородіе, отъ людей зависитъ, которые захотятъ нашему люду крестьянскому грамоту открыть. Есть у насъ матушка умная, сошлась она съ нашей учительницей... Вотъ и порѣшили онѣ вдводемъ нашихъ бабъ образовывать. Учатъ ихъ разнымъ мудростямъ. Совсѣмъ, вѣдь, наши женщины другими сдѣлались. Бабы, да не тѣ.

Я имѣлъ нѣкоторое соприкосновеніе съ дѣлами народнаго образованія и сейчасъ ѣхалъ на ревизію Вознесенской земской школы.

— Деревенскій университетъ,—думалъ я про себя... Въ первый разъ я слышу. И надо же, чтобы это доброе дѣло возникло въ какомъ то медвѣжьемъ углу, куда нѣтъ ни пути, ни дороги и откуда не доходитъ да и, кажется, дойти не можетъ никакихъ вѣстей. Деревенскій университетъ... Я ничуть не удивился бы, если бы встрѣтилъ его за границей, въ какомънибудь французскомъ селѣ съ французскими пейзажами, а то у насъ въ Вознесеньи, Чухломскаго уѣзда, гдѣ я если и надѣялся найти земскую квартиру, такъ непременно скверную, съ тараканами, клопами и прочими принадлежностями несложнаго деревенскаго обихода.

Я еще разъ осмотрѣлъ предназначенную мнѣ комнату. Все было чисто, опрятно, на каждой мелочи была замѣтна заботливая женская рука. Но теперь мнѣ стало все понятно, и я уже не удивлялся.

— А нельзя ли мнѣ... въ школу эту сходить... Послушать, чему тамъ вашихъ бабъ обучаютъ...

— Отчего нельзя?! Конечно, можно. Еще какъ рада будетъ матушка-то! Я сейчасъ, мигомъ, провожу васъ... Только пріодѣнусь немного.

Черезъ десять минутъ мы входили въ помѣщеніе церковно-приходской школы, гдѣ и происходило всегда

обученіе взрослыхъ крестьянокъ. Въ школѣ было душно. Около восьмидесяти женщинъ слушали чтеніе матушки.

А та, поминутно обрывая чтеніе замѣчаніями, дополненіями, разъясненіями, читала брошюру женщины врача Покровской объ уходѣ за груднымъ ребенкомъ. Отложивъ книгу, она дала смотрѣть по рядамъ стеклянный флаконъ съ резиновымъ соскомъ, которымъ надо замѣнить крестьянскій дѣтскій рогъ и кислую соску. Показала она на столѣ, какъ нужно пеленать ребенка. Отъ гигиены незамѣтно перешла рѣчь къ болѣзнямъ дѣтскаго возраста и тутъ, опять на столѣ, матушка продемонстрировала, какъ нужно при пупочной грыжѣ накладывать на пупъ повязку изъ липкаго пластыря, намазаннаго на холеть.

Когда чтеніе брошюры Покровской было окончено, матушка по какой-то другой книжкѣ начала читать лекцію по сельскому хозяйству. Читала она о такомъ вопросѣ, который можетъ городскимъ жителямъ показаться смѣшнымъ, а въ крестьянскомъ быту онъ имѣетъ большое значеніе: о пользѣ разведенія фасоли и гороха.

Говорила матушка о пользѣ растительной пищи, о ея преимуществахъ предъ мясомъ, которое слишкомъ обременяетъ желудокъ, отъ котораго человекъ такъ часто бываетъ раздражительнымъ, которое является причиною многихъ такихъ болѣзней, какихъ не знали бы люди, употребляя они пищу растительную.

На классной доскѣ она написала таблицу, изъ которой было ясно видно, сколько бѣлковъ и жировъ содержатъ бобы, горохъ и мясо. Она сравнивала эти количества и дѣлала все это такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такою убѣдительною дышала ея рѣчь, что становилось радостно за крестьянокъ.

Передъ перерывомъ матушка раздала мѣшочки крестьянкамъ.

— Это—на пробу,—сказала она.

Въ мѣшочкахъ были сѣмена фасоли и лучшаго, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ деревнѣ, гороха.

Послѣ перерыва начался урокъ учительницы: было объяснительное чтеніе. И сколько новаго, невѣдомаго раньше, открылось крестьянкамъ, хотя бы въ тотъ часъ, на которомъ я былъ. Здѣсь были и очерки американской

жизни и свѣдѣнія по этнографіи, и рассказы изъ жизни животныхъ. Очевидно надъ подборомъ статей много думали.

Занятія начались въ пять часовъ, когда я еще ѣхалъ въ глубокой тѣмѣ, въ своихъ развальняхъ по серебрястому еловому лѣсу, а кончились въ девять...

Ушли сразу далеко не всѣ. Подходили по одной, совѣтовались, плакали, пытались цѣловать матушкину ручку... Уходили, довольныя и счастливыя, на покойный сонъ. И я думаю, на счастливый сонъ...

Много думъ роилось въ моей головѣ, пока я стоялъ въ сторонѣ и смотрѣлъ на этихъ бабъ, обступившихъ лектрисъ, и плачущихъ, и довольныхъ,—всѣхъ, одинаково благодарныхъ.

— Земной поклонъ вамъ, народныя просвѣтительницы,—сказалъ я, подходя къ матушкѣ и пожимая ея руку.

— Ну, ужъ, извините,—застѣснялась та,—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... Лучше что-нибудь, чѣмъ ничего. Мы все съ бабами о бабахъ и толкуемъ... Для нихъ это интереснѣе и скорѣе въ душу западаетъ...

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже совершенно познакомились и сдѣлались друзьями.

Матушка съ увлеченіемъ говорила:

— Да, если хотите, у насъ деревенскій университетъ, конечно въ своемъ родѣ. У насъ есть цѣлый рядъ кафедръ: напримѣръ, исторія женщины. Здѣсь говоримъ о женщинахъ, добрыхъ, святыхъ, ученыхъ, о „выдуманныхъ“ (литературныхъ женщинахъ). Затѣмъ, о современной русской женщинѣ и ея положеніи.

Потомъ—гигіена женщины и ребенка. Немного анатоміи, много о дѣтскихъ болѣзняхъ. Есть сельское хозяйство, деревенскій столъ, наши жилища, да мало ли, о чемъ можно говорить... Вѣрьте, работы такъ много, что времени не хватаетъ; плачешься, что такъ скоро проходитъ вечеръ.

— Скажите же, матушка, что заставляеть васъ возиться съ ними—съ этими бабами?

— Этого требуетъ долгъ каждаго порядочнаго человека, живущаго въ деревнѣ. Жаль вотъ, что почти все у насъ уходитъ въ доходы, либо въ ѣду, либо въ наряды... Есть болѣе высокое, болѣе святое... А объ этомъ за-

ботъ нѣтъ. Никто и думать не хочетъ, что влачить въ грязи, въ жалкой конурѣ всю свою жизнь народъ, пухнуть отъ голода, мреть, лишенный, всякаго ухода за собой всякой помощи.

На этомъ разговоръ нашъ оборвался. Мы распростились.

И когда я шелъ къ себѣ на „земскую квартиру“, гдѣ, по всей вѣроятности, ждалъ меня кипящій самоваръ, рассказы Акулины и ея дочерей, все время задавалъ себѣ вопросы.

— Много ли теперь у насъ, на Руси, такихъ матушекъ.

Итакъ, въ глуши, въ уединеніи матушка создала „деревенскій университетъ“, вошла въ обиходъ деревенскихъ женщинъ и, при своей слабой женской силѣ, но съ богатою энергіею, подняла, насколько могла, эту деревенскую женщину. И деревня любить, цѣнить свою матушку. Да и нельзя не любить ее: она даетъ деревнѣ то, что не можетъ дать иногда большая школа.

А вотъ другая матушка. Я прочелъ о ней на страницахъ газетъ. И это безпристрастіе въ оцѣнкѣ подвига матушки особенно отрадно. Вѣдь, газеты говорятъ теперь болѣе о батюшкахъ и говорятъ для того, чтобы отыскать какое-либо пятнышко въ ихъ дѣятельности. И чѣмъ пятно болѣе, тѣмъ внимательнѣе газета.

Эта матушка, о которой мы говоримъ по указанію газеты („Ранн. У.“, № 182), могла выдти только изъ домашней церкви, каковою, по слову Божию, должна быть семья пастыря. На ея подвигъ далеко не всякій рѣшится, да и рѣшался-ли когда-нибудь?!

Въ Россіи насчитывается 10,000 прокаженныхъ. Съ недугомъ проказы начата усердная борьба въ Петербургской губерніи. Здѣсь, въ Ямбургскомъ уѣздѣ, въ колоніи „Крутые ручьи“, въ 20 верстахъ отъ станціи „Веймаркъ“, Балтійской жел. дор., на площади въ 280 десятинъ, данъ пріютъ сотнѣ больныхъ прокаженныхъ.

Проказа... Еще при чтеніи евангелія мы привыкли испытывать ужасъ отъ упоминанія о прокаженныхъ. Всякій слышалъ, конечно, объ этой ужасной болѣзни. У живого человѣка отбаливаетъ, при зловоніи, и отмираетъ плоть!

Приблизиться къ прокаженному нельзя безъ риска заразиться, а приблизиться къ нему съ любовнымъ участіемъ можно только, забывъ о себѣ.

Но при себялюбіи забыть себя?!

Себялюбіе—это первенецъ среди нашихъ страстей. И этого первенца почти каждый имѣетъ въ себѣ и около себя. И съ нимъ не охотно разстается.

И вотъ газета сообщаетъ объ одной вдовѣ священника. Послѣ смерти мужа она рѣшила посвятить свои силы и отдать свою жизнь страждущему человѣчеству. Съ этой цѣлью она явилась въ среду прокаженныхъ и стала ухаживать за больными. Она была ихъ матерью, ангеломъ-хранителемъ, перевязывала ихъ раны, утѣшала ихъ, напутствовала въ вѣчность.

Въ концѣ-концовъ она сама заразилась проказой и живетъ теперь среди больныхъ, не падая духомъ, не жалѣя о своемъ прошломъ и скромно совершая подвигъ христіанской любви во исполненіе завѣта Христова: полагать душу свою за други своя.

Я помню одну, недавно появившуюся, книжку, въ которой прославлялась дѣятельность одного протестантскаго или католическаго миссіонера, отдавшаго свои силы на служеніе прокаженнымъ. Для прославленія его была написана цѣлая книга нерусскимъ авторомъ.

А тамъ у насъ, въ родной глуши, трудится сельская матушка, создавшая „деревенскій университетъ“. Въ другомъ мѣстѣ матушка отдала свою послѣднюю радость послѣ смерти супруга—свою жизнь. И можетъ быть только немногія строки будутъ посвящены имъ—этимъ безвѣстнымъ труженицамъ.

Впрочемъ, для безвѣстныхъ труженицъ и не нужна людская реклама. Для матушекъ она не нужна, какъ не нужна она и для тѣхъ матушекъ,—а таковыя есть, несомнѣнно, у насъ,—которыя, по русской старинѣ, даютъ въ захолустьяхъ рецепты и лѣкарства отъ недуговъ, даютъ совѣты страждущимъ духомъ и тѣломъ... Такая дѣятельность поучительна не для однѣхъ матушекъ, а для всѣхъ, ищущихъ добраго дѣла, говорящихъ о христіанскомъ подвигѣ. Попробуйте-ка подражать имъ хотя до извѣстной степени!..

Извѣстія и замѣтки.

Торжество вѣры. Въ „Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, подъ заглавіемъ „Торжество вѣры“ помѣщены интересныя замѣтки о двухъ книгахъ, изъ которыхъ видно, что наука въ ея чистомъ видѣ можетъ служить авторитетнымъ спутникомъ признанія безспорныхъ истинъ откровенія.

I.

По поводу книги Гарнера: „Языкъ обезьянъ“ и и сочиненія В. Битнера „Въ область таинственного“.

Въ началѣ текущаго столѣтія одинъ американскій ученый, по имени Гарнеръ, выпустилъ въ свѣтъ довольно интересную и любопытную книгу подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Языкъ обезьянъ“. Въ ней авторъ подвелъ итогъ своей многолѣтней и кропотливой работѣ надъ изученіемъ языка обезьянъ, сгруппировалъ во едино рѣшительно все впечатлѣнія и наблюденія въ интересовавшей его области и этимъ далъ въ руки ученыхъ своего рода ключъ къ разгадкѣ внутренней жизни означенныхъ животныхъ.

Мы не станемъ разбираться въ подробностяхъ поименованной нами книги. Интересующихся подробностями мы отсылаемъ къ самой книгѣ, которая ходитъ на русскомъ книжномъ рынкѣ исключительно въ нѣмецкомъ переводѣ нѣкогого Марсгалля. Не станемъ резюмировать содержанія ея даже въ общихъ основныхъ вопросахъ. Все это не входитъ въ нашу задачу и не имѣетъ прямого отношенія къ намѣченной нами цѣли.

Для насъ важно знать и установить только вотъ что: можно ли вообще понимать животныхъ, опредѣлять ихъ мысли, ихъ желанія, ихъ намѣренія по тѣмъ однообразнымъ и подчасъ неопредѣленнымъ звукомъ, какіе вообще издаютъ животныя? Если можно, разумѣется послѣ долгаго изученія животнаго міра, то указанная книга имѣетъ для насъ громадное значеніе въ апологетическомъ отношеніи, и вотъ почему:

Когда поставленный нами вопросъ будетъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, т. е. когда воочію убѣдятся въ возможности взаимнаго пониманія между людьми и животными, тогда рухнетъ само-собою то вѣковое возраженіе, какое люди знанія, противники вѣры и враги Христовой церкви дѣлаютъ намъ всякій разъ, какъ только рѣчь заходитъ о грѣхопадѣніи нашихъ прородителей, въ частности о бесѣдѣ Евы со змѣемъ.

„Помилуйте,—говорятъ намъ сплошь-да-рядомъ совопросники вѣка сего,—развѣ человѣкъ можетъ говорить съ животными такъ, какъ говорить съ собой подобными. Развѣ животныя обладаютъ способностью понимать насъ, людей, и говорить съ нами? Нѣтъ, это абсурдъ, нелѣпость, никогда неслыханная вещь, никогда небывалый случай. Такимъ разсказамъ мѣсто въ сказкахъ, басняхъ, дѣтскихъ книгахъ. Если же въ Библии говорится объ этомъ, то, вѣроятно, и библейское повѣствованіе о фактѣ грѣха не что иное, какъ басня, сказка, возведенная ревнителями вѣры на степень историческаго явленія“.

Намъ представляется весьма удобный случай—при помощи книги Гарнера научно освѣтить предложенный нами вопросъ,—правдоподобны ли вообще разсказы о бесѣдѣ человѣка съ животными, или же нѣтъ?

Оказывается, что—да. Т.-е. фактически можно доказать ту мысль, вѣрнѣе—то положеніе, что человѣкъ можетъ понимать животныхъ, можетъ изучать ихъ внутренній міръ, другими словами: можетъ бесѣдовать съ ними. Возьмемъ въ примѣръ самого Гарнера. Для изученія языка обезьянь-капуциновъ онъ весьма долго наблюдалъ надъ ними, замѣчалъ, копировалъ и изучалъ ихъ звуки, ихъ слова, ихъ воли, ворчаніе, шептаніе, старался уловить ихъ смыслъ, значеніе, старался схватить, уловить малѣйшіе оттѣнки въ ихъ, повидимому, однообразныхъ звукахъ и т. д. и т. д. И вотъ долгіе кропотливые труды Гарнера увѣнчались успѣхомъ. Ему удалось достигъ того, къ чему онъ стремился. Ему открылись смыслъ и значеніе не только словъ, но звуковъ обезьянь. Въ 10-й главѣ книги Гарнера, озаглавленной такъ: „словарь обезьянь-капуциновъ“ мы встрѣчаемъ такіа строки: „мнѣ удалось узнать, что нѣкоторые слова у поименованныхъ обезьянь имѣють два или три значенія... Я изучилъ слова, которыми обезьяны выражаютъ состояніе погоды, горячую дружбу, тревогу, изумленіе, предостереженіе... Я понялъ значеніе „гортаннаго шопота“, которымъ обезьяны выражаютъ приближеніе вещи, къ которой они не чувствуютъ ни боязни, ни отвращенія. Мнѣ стали доступны и понятны ихъ просьбы, ихъ гнѣвъ, ихъ радость, пренебреженіе, восторженность, отвращеніе“... И т. д.

Къ какому же выводу приводитъ насъ изслѣдованіе американскаго ученаго?—А вотъ къ какому.

Продолжительное пребываніе съ животными, какъ говорится, съ глазу на глазъ, открываетъ человѣку внутреннюю жизнь послѣднихъ. Человѣкъ мало-помалу начинаетъ понимать міръ окружающихъ его животныхъ, знакомится съ особенностями ихъ страннаго языка, опредѣляетъ смыслъ и значеніе какъ звуковъ, такъ и словъ, словомъ начинаетъ „говорить“ съ ними. Это уже бесспорная, всѣми признанная, истина.

Но если такъ, то что же тогда есть невозможнаго и недопустимаго въ бесѣдѣ нашей праматери со змѣею? Послѣ Гарнера—ничего. Наши прародители, будучи вѣнцомъ чистаго творенія, царями всего созданнаго, были способны понимать жизнь окружавшей ихъ природы и летаніе звѣрей.

Баратынскій такъ характеризуетъ поэта:

„Съ природою одною онъ жизнью дышалъ;
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье.
Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорила морская волна“.

Но то, что Баратынскій приписываетъ здѣсь поэту (Гете), вполне можетъ быть, и даже въ высшей степени, примѣнено и къ безгрѣшнымъ богоподобнымъ жителямъ земли, гдѣ все было „добро зѣло“.

Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что они понимали и языкъ животныхъ. Не даромъ въ Библии ни слова не упомянуто объ испугѣ Евы, когда она услышала, что говоритъ съ нею змѣя. Видимо, все это было вполне естественно въ ту пору.

Ну, хорошо, возражаютъ намъ противники христіанской вѣры. Мы согласны, что можно изучить привычки животныхъ, ихъ желанія, тѣ звуки, которыми они выражаютъ просьбы, негодованіе, отвращеніе, радость испугъ и т. д. Но нельзя допустить, чтобы животныя могли передать человѣку свои сокровенныя думы,

тайныя желанія, или же чтобы они задавали ему недоумѣнные вопросы, какъ, напримѣръ, змѣй нашей проматери и мн. др.

Отвѣтъ на послѣднее возраженіе мы почерпаемъ изъ другой книги, изъ книги В. Витнера: „Въ область таинственнаго“ Ч). Авторъ ея, какъ это видно изъ редактируемаго имъ журнала „Вѣстникъ Знанія“ далеко не расположенъ къ христіанской церкви, совсѣмъ не раздѣляетъ основъ нашего вѣроученія, такъ что подозрѣвать въ тенденціозности приводимыхъ фактовъ не приходится.

Онъ пишетъ, что какъ въ древности, такъ и въ настоящее время встрѣчаются люди, умѣющие говорить съ животными. И какъ на особенно поразительное явленіе такого рода указываетъ на одного мальчика по имени Говарда Эдвина, живущаго въ восточной Алабамѣ, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Мальчикъ вполне нормаленъ и здоровъ и въ то же время здоровыхъ и нормальныхъ родителей, но отличается отъ всѣхъ прочихъ тѣмъ, что читаетъ мысли и желанія животныхъ поразительно вѣрно, безошибочно.

Вотъ нѣсколько иллюстрацій къ его способности говорить съ животными.

Заболѣла лошадь. Перестала пить, перестала ѣсть. Роетъ копытомъ землю, и стонетъ—безъ конца. Ветеринары не могли опредѣлить ея болѣзни и потому отказались отъ леченія. А Говардъ пошелъ къ ней и сразу понялъ въ чемъ дѣло. „У ней болятъ зубы“,—сказалъ онъ. И дѣйствительно успокоенные зубы привели лошадь въ нормальное состояніе.

Другой случай. Говардъ передалъ родителямъ, что его другъ-собака Тресъ говоритъ, будто мулъ забрался въ рожъ. Ему не повѣрили. Но полчаса спустя мула дѣйствительно нашли во ржи, которой онъ успѣлъ уже потравить не мало.

Третій примѣръ. Однажды Говардъ заявилъ своему отцу: „папа, Джимъ (мулъ) говоритъ, что у него болитъ колѣвка“. Отецъ не придавъ этимъ словамъ никакого значенія и утромъ на слѣдующій день заставилъ мула пахать. И что же? Къ полудню колѣво мула такъ распухло, что работать на немъ не было никакой возможности.

Еще одинъ характерный случай для доказываемой нами мысли. Однажды по-утру Говардъ сообщилъ своей матери, что Тресъ прошлою ночью, въ компаніи съ другой собакой, загрызъ нѣсколько овецъ. И въ самомъ дѣлѣ, скоро нашли двухъ загрызенныхъ и обглоданныхъ овецъ. Тогда мать сказала мальчику: „пойди и скажи Тресу, что если онъ еще это сдѣлаетъ, то его убьютъ“. Сходявъ къ своему другу, Говардъ вернулся и сказалъ: „Тресъ обѣщался больше не убивать овецъ“. Послѣ этого Тресъ остался дома, а его компаньонъ, будучи пойманъ на мѣстѣ преступленія, былъ тутъ же пристрѣленъ.

Послѣдній примѣръ. Послѣдній не въ томъ смыслѣ, что въ жизни мальчика не было подобныхъ случаевъ, а въ томъ, что мы, находя число приведенныхъ нами фактовъ, вполне достаточнымъ для доказательства затронутой нами мысли, прекращаемъ перечень зарегистрированныхъ въ нашу пользу говорящихъ фактовъ.—Сбѣсился быкъ. Не знали, что съ нимъ дѣлать? Говардъ подошелъ къ быку и затѣмъ сообщилъ, что ему что-то попало въ переднее копыто. Оказалось, что въ одно изъ переднихъ копытъ вонзился гвоздь, причинившій быку страшную боль. Гвоздь вынули и боль прекратилась.

Изъ вышеприведенныхъ фактическихъ данныхъ съ несомнѣнностью выте-

1) „Библіотека для саморазвитія“. 1907 г. № 7.

касть то заключеніе, что люди могут бесѣдовать съ животными, могут понимать ихъ думы, ихъ желанія, ихъ просьбы, ихъ муки и страданія.

А если такъ, то и въ бесѣдѣ Евы со змѣемъ нѣтъ ничего невозможнаго!

А какъ раньше смѣялись и издѣвались надъ этимъ библейскимъ повѣствованіемъ!

II.

По поводу книги Бельше „Дни творенія“.

У Достоевскаго въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ выведенъ, между прочимъ, замѣчательный типъ религіознаго отрицателя. Это—Смердяковъ. Онъ началъ читать Библию, но первая же страница не удовлетворила его. Тамъ говорится, что въ первый день Богъ сотворилъ свѣтъ, а между тѣмъ свѣтила небесныя созданы лишь въ четвертый день. Это показалось Смердякову настолько грубымъ противорѣчіемъ, что онъ такъ и не пошелъ дальше первой главы книги Бытія, рѣшивъ, что Библия—книга для него слишкомъ глупая.

Такъ поступилъ Смердяковъ, человѣкъ, нужно замѣтить, взрослый и разсудительный. Также точно поступаютъ и дѣти, наша учащаяся молодежь.

Въ маленькомъ и весьма интересномъ разсказикѣ Марка Криницкаго „Безъ дна“ мы встрѣчаемъ такую страничку:

Мальчики-гимназисты бесѣдуютъ въ перемены. Вдохновенно и безапелляціонно ораторствуетъ Кедроливанскій, тотъ самый, который спросилъ батюшку на урокѣ Закона Божія „постное китъ или скоромное?“

„Если Богъ сотворилъ солнце только на четвертый день, развивалъ Кедроливанскій вѣтъ своихъ размышленій, то, значить, день и ночь зависать не отъ солнца, а отъ чего-нибудь другого. А такъ какъ ни отъ чего другого имъ зависать нельзя, то отсюда ясно, что господинъ Моисей не былъ знакомъ съ математической географіей. Логически вѣрно!“

Вѣроятно онъ замѣчалъ на лицѣ нѣкоторыхъ своихъ товарищей что-то вродѣ подавляемой тревоги или недоумѣнія и, можетъ быть, желая оградить себя отъ возможныхъ съ ихъ стороны возраженій, онъ вдругъ спрашиваетъ одного изъ нихъ съ презрительнымъ раздраженіемъ:

„О, тунца! Ты, кажется сомнѣваешься? Голубчикъ, ты скажи мнѣ, развѣ можетъ быть двѣ истины.“

Такихъ Смердяковыхъ и такихъ Кедроливанскихъ не мало въ настоящее время. Имя имъ легионъ. И всѣ они смѣются, издѣваются надъ первою страницей Библии, надъ Моисеевымъ сказаніемъ о миротвореніи, всѣ въ одинъ голосъ говорятъ:

„Помилуйте, развѣ свѣтъ можетъ существовать безъ свѣтилъ небесныхъ? Развѣ это не противорѣчіе, не абсурдъ? Развѣ помимо солнца и звѣздъ есть еще другіе источники свѣта? Конечно, нѣтъ. По сему, читая первую страницу Библии, невольно приходишь къ тому заключенію, что сказаніе Моисея о миротвореніи есть не что иное, какъ мифъ, сказка, полная восточной красоты и первобытнаго поэтическаго творчества“.

Смѣются, сомнѣваются, издѣваются, а между тѣмъ свѣтъ дѣйствительно существовалъ ранѣе свѣтилъ небесныхъ. И это говоритъ не одна Библия, а и серьезные ученые, люди великаго ума и большихъ знаній.

Вотъ, напримѣръ, въ русекомъ книжномъ рынкѣ появилась въ 1908 г. довольно интересная книга: „Дни творенія“, принадлежащая перу знаменитаго

современнаго нѣмецкаго естествоиспытателя Бельше, автора капитальнаго трехтомнаго произведенія „любовь въ природѣ“ и множества другихъ болѣе или менѣе мелкихъ научныхъ очерковъ, статей и набросковъ. Въ указанной книгѣ авторъ прямо утверждаетъ и научно доказываетъ, что свѣтъ существовалъ гораздо ранѣе появленія въ мѣрѣ небесныхъ свѣтилъ.

Такъ какъ настоящій вопросъ имѣетъ громадную важность и существенное значеніе для всѣхъ христіанъ, а для пастырей церкви въ особенности, такъ какъ имъ болѣе всѣхъ приходится имѣть дѣло съ совопросниками вѣка сего, то для облегченія ихъ труда въ курѣ затронутаго нами вопроса мы подробнѣе изложимъ взглядъ Бельше.

„Въ настоящее время, пишетъ Бельше, при помощи телескопа можно совершенно ясно замѣтить между звѣздами настоящія туманныя пятна, часто весьма слабыхъ очертаній... которыя свѣтятся своимъ собственнымъ, не отраженнымъ свѣтомъ.

„Спектральный анализъ доказалъ, что эти настоящія туманныя пятна представляютъ скопленія газовъ. Долго думали, что и они стоятъ далеко внѣ нашей системы. Полагали, что это возникающія системы, подобныя нашей, міровые зародыши.

„Въ настоящее время все болѣе склоняются къ тому, что эти туманности носятя въ предѣлахъ нашей системы. Онѣ, повидимому, представляютъ болѣе древнія части этой системы, остатки первобытной матеріи, изъ которой постепенно образовались и продолжаютъ образовываться такія звѣзды. Частицы неизрасходованнаго вещества располагаются въ промежуткахъ между звѣздами.

„Такъ образованіе этихъ звѣздъ въ нашей системѣ становится намъ яснѣе, чѣмъ можно было ожидать. Кое гдѣ мы наблюдаемъ эти разбѣянные туманности въ самомъ процессѣ сгущенія. Среди неопредѣленнаго свѣта горятъ болѣе яркія точки, въ туманности формируются, отдѣляются другъ отъ друга и на высшей стадіи процесса кристаллизуются настоящія новыя солища.

„Летучія массы являются наиболѣе первоначальной формой „твердой, какую можемъ мы себѣ представить, исходя изъ нашихъ понятій. Въ пространствѣ съ огромной быстротой проносятся молекулы газа—это первая матерія, созданная первобытной силой природы. Сталкиваясь, эти молекулы образуютъ большія скопленія и создаются массы, съ большей силой сопротивленія, оказывающія продолжительное воздѣйствіе на все окружающее, островки сгущеннаго газа въ открытомъ газовомъ морѣ.

„Этотъ весьма разбѣженный, разбѣянный газъ можно непосредственно сравнить съ эфиромъ; тогда мы имѣли бы островки эфира въ эфирномъ океанѣ.

„Однако, говоря объ этой первоначальной „тверди, необходимо еще совершенно освободиться отъ того значенія, какое имѣетъ наше земное слово „твердый“.

„Подобное облако газа безконечно менѣе плотно, чѣмъ нашъ воздухъ. Въ сравненіи съ нимъ этотъ воздухъ былъ бы настоящей стѣною. Это только первая противоположность между средой, оказывающей больше сопротивленія совершенно разбѣженной матеріей. Но тѣмъ не менѣе это первый шагъ ко всѣмъ позднѣйшимъ противоположностямъ, ко всѣмъ настоящимъ „твердымъ“ этого міра, кончая самымъ твердымъ тѣломъ—алмазомъ. Это первое сгустившееся облако среди необозримо разбѣяннаго міроваго газа не имѣетъ еще солнца, которое освѣщало бы и согрѣвало его. Вѣс солнца въ системѣ должны имено образоваться изъ него, какъ изъ точки, какъ сверкающія снѣжинки въ неизмѣримомъ необъятномъ туманѣ.

„И при всемъ томъ надъ этой первой „твердью“ мерцаеть свѣтъ“.

„Эти остатки тумана среди дѣйствительно пылающихъ и свѣтящихся солнць нашей теперешней системы мы, несомнѣно, можемъ видѣть только потому, что первобытный туманъ обладаетъ свойствомъ какимъ-то образомъ свѣтиться. Въ настоящее время вполне основательно склоняются къ опредѣленному мнѣнію: свѣтъ здѣсь происходитъ вовсе не оттого, что туманность раскалена. Скорѣе, это — явленіе объясняется низкой температурой“.

„При крайней степени разряженія у всѣхъ газовъ, повидимому, наступаетъ такой моментъ, когда они начинаютъ свѣтиться. Такъ и это космическое туманное облако, газъ котораго до крайности разрѣженъ, носится ничѣмъ не согрѣтое въ ледяномъ пространствѣ и вспыхиваетъ согласно указанному закону, особымъ свѣтомъ.“

„Мысль эта приобретаетъ еще большее значеніе, если смотрѣть на эту туманность, какъ на первое сгущеніе эфира. По нашимъ современнымъ понятіямъ эфиръ является передающей средой для волнообразнаго движенія, которое мы воспринимаемъ, какъ свѣтъ. Въ данномъ случаѣ свѣтъ исходилъ бы изъ него самого. Эти волны, пробѣгающія въ настоящее время по несгустившимся частямъ туманности, какъ рябь и круги расходятся на поверхности пруда отъ брошеннаго камня, посылались бы тогда ето собственными центрами сгущенія, благодаря самому сгущенію.“

„Только тогда, когда такія туманности или отдѣльныя части въ нихъ постепенно сгущались и все болѣе стягивались, въ нѣдрахъ ихъ происходило настоящее накалываніе: теперь въ нихъ свѣтятся раскаленные до бѣла солнца“¹⁾.

Таковъ взглядъ Бельше по вопросу о существованіи свѣта ранѣе свѣтили небесныхъ. Кратко его можно формулировать слѣдующимъ образомъ.

Нынѣшняя солнечная система образовалась изъ космическаго туманнаго облака, которое, вълѣдствіе весьма низкой температуры, издавало свѣтъ, „какъ пылинки радія въ темномъ, холодномъ погребѣ“²⁾.

Такъ говоритъ Бельше, гордость и слава Германіи, крупная научная величина, авторитетъ въ той области, которая издавна вела ожесточенную атаку противъ христіанскаго вѣроученія.

Но, вѣдь, тоже самое говорятъ и такую же точно картину происхожденія міра пишутъ христіанскіе ученые и св. отцы и учителя Церкви. Св. Ефремъ Сиринъ, напримѣръ, давно говорилъ, что Господь создалъ сперва „сущность“ неба и земли, т. е. зародышъ міра или матерію для него и всѣхъ его существъ въ видѣ безформенной хаотической массы“ (твор. св. Отецъ, т. XXII, изд. М. Д. Академіи, творенія св. Ефрема Сирина, ч. 8 стр. 250), которая обладала свойствомъ какимъ-то образомъ свѣтиться, что свѣтила небесныя созданы гораздо позже, именно—въ четвертый день и т. д. и т. д.

Гдѣ же тутъ и въ чемъ собственно заключается противорѣчіе между Библіей и наукой?

Его совершенно нѣтъ. И что это такъ, въ этомъ мы убѣждаемся на основаніи капитальныхъ изслѣдованій крупныхъ авторитетныхъ ученыхъ.

А какъ долго смѣялись и издѣвались надъ Библіей! Какъ самоувѣренно

1) В. Бельше. „Дни творенія“. Пер. съ вѣм. В. Александрова. Изд. Богусшевскаго. С.-П. Б. 1908 г. стр. 28—31.

2) Тамъ же, стр. 32.

говорили наши ученые, что свѣтъ не можетъ существовать ранѣ свѣтилъ небесныхъ, что библейское повѣствованіе о данномъ явленіи—басня, легенда, мифъ!

И все это оказалось напраснымъ. Пришло время и то, надъ чѣмъ раньше смѣялись, что прежде вышучивали, считали невозможнымъ, признавали абсурдомъ, теперь вошло въ научную біблію въ качествѣ ея неоспоримой истины.

Мы твердо вѣримъ, что пройдетъ еще нѣкоторое время, человѣческой умъ разовьется, наука взойдетъ на небывалую высоту и тогда рухнуть вѣковые предрассудки, исчезнутъ всякія противорѣчія между Библией и наукой и вполнѣ оправдаются слова знаменитаго Пастера:

„Настанетъ день, когда будутъ смѣяться надъ глупостію нашей современной матеріалистической философіи“.

И сіе буди, буди!

Бесѣда Императора Александра II и митрополита Филарета. Въ запискахъ сенатора К. Н. Лебедева, печатающихся въ „Русскомъ Архивѣ“, находимъ *разсказъ Кокорева о бесѣдѣ Императора Александра II съ митрополитомъ Филаретомъ по поводу готовившейся судебной реформы.*

Императоръ Александръ Николаевичъ говорилъ съ митрополитомъ Филаретомъ объ измѣненіи судебного дѣла.

— Вотъ и другое преобразование готовится,—сказалъ онъ.

Митрополитъ молчалъ.

— Я уже получилъ проектъ судебныхъ уставовъ.

Митрополитъ молчалъ.

— Что же, владыко, не отзываетесь?—спросилъ Государь.—Вѣдь это будетъ судъ не по мертвой буквѣ закона, а по человѣческой совѣсти.

Тогда Филаретъ, указывая на находившуюся въ комнатѣ икону Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, сказалъ.

— Римское правительство, Пилать, готовы было освободить Его, но судъ народной совѣсти возложилъ на Него терновый вѣнецъ.

О самоубійцахъ нашего времени. Количество самоубійствъ растетъ и растетъ до страшныхъ размѣровъ, и нѣтъ, кажется, средствъ остановить этотъ ростъ... Среди литературныхъ героевъ Достоевскаго есть одинъ полусумасшедшій маниакъ Кирилловъ, который вѣрилъ, что приближается, наконецъ, время, когда люди побѣдятъ свой мистическій страхъ передъ смертію и къ самоубійству начнутъ прибѣгать „очень многіе“, „всѣ“. Онъ не искалъ причину, почему человѣкъ „не смѣетъ убить себя“ и нашелъ, что два „предрассудка“—боль и страхъ предъ таинственнымъ потустороннимъ парализуютъ человѣческое своеволие.

И вотъ теперь наступаетъ, кажется, время, когда человѣкъ начинаетъ освобождаться отъ этихъ „предрассудковъ“ и ничѣмъ не хочетъ сдерживать свою ужасную жажду смерти. Страхъ передъ жизнью пересиливаетъ страхъ смерти и убиваетъ въ себѣ человѣкъ любовь къ жизни, которая есть „боль и страхъ“...

Самоубійцы были милліоны, но никогда не было такой массы *убѣжденных* самоубійцъ, которые невольно заставляють вѣрить въ осуществимость на практикѣ теоріи Гартмана и др. о всеобщемъ самоубійствѣ. Человѣчество, дѣйствительно, начинаетъ проникаться страшными девизами: „жизнь безцѣльна“, „нѣтъ смысла“, „надо было жить“... И для этой душевной опустошенности очень многіе, начиная съ „пресыщенныхъ“ жизнью пятнадцати-лѣтнихъ юнцовъ, находятъ одинъ только выходъ—въ самоубійствѣ.

Самоубійства были всегда, но далеко не всегда повторяются их *причины*. Прежде умирали „от несчастной любви“,—от избытка чувств, отвергнутых, не нашедших себѣ удовлетворенія во взаимности. Теперь же, напротивъ, нигилистическая опустошеность духа, *недостатокъ* душевнаго романтизма являются главными причинами современныхъ самоубійствъ. Самоубійцы-идеалисты, „кристальныя души“, которые умирали отъ трагическихъ коллизій съ далеко не идеальной дѣйствительностью, въ настоящее время смѣнились самоубійцами-нигилистами, отравленными своимъ беспочвеннымъ пессимизмомъ, своимъ материализмомъ, большею частью самымъ вульгарнымъ.

Нашимъ временемъ возвращены такъ-называемые *самоубійства по убѣжденію*, самому странному убѣжденію.

Эпидеміей самоубійствъ расплачиваются „герои“ нашего времени за свою сердечную пустоту, за отсутствіе открытаго идеализма, выравненнаго какимъ-то пренебрежительнымъ, мѣфистофельскимъ отношеніемъ къ жизни... Этимъ же нравственнымъ банкротствомъ объясняется и другой родъ „непонятныхъ“ самоубійствъ, такъ-называемыхъ „безпричинныхъ“. Легко видѣть, гдѣ находится *причина* этихъ *безпричинныхъ* самоубійствъ...

Массовое появленіе этихъ убѣжденныхъ и безпричинныхъ самоубійствъ имѣетъ громадное симптомическое значеніе. Оно напоминаетъ намъ *эпоху упадка*, какъ напримѣръ, эпоху нравственнаго паденія Рима, когда въ тоскѣ и пресыщенности жизнью патриціанская аристократія, пригодная только для вымиранія, дѣйствительно и вымирала, въ красивой позѣ, на пирахъ, со вскрытыми венами. Эти утомленные патрициі умѣли умирать легко, равнодушно и были прямыми *предшественниками* современныхъ самоубійцъ по убѣжденію. Подобно этимъ послѣднимъ, они казались безпричинными самоубійцами, такъ какъ кромѣ ихъ сокровенной „тоски бытія“, другихъ внѣшнихъ причинъ для добровольной смерти или не было вовсе, или онѣ казались такими ничтожными, что не могли быть истинными причинами.

Самоубійцы этихъ двухъ эпохъ, римскаго и современнаго упадка, чрезвычайно близки другъ къ другу, не смотря на столѣтія, которыя ихъ отдѣляютъ. Это ихъ родство можно наблюдать даже въ мелочахъ, какъ напр., въ суетномъ желаніи умереть эффектно. Самоубійцы нашего времени хотя не имѣютъ возможности умирать съ комфортабельностью древнихъ римлянъ,—въ мраморныхъ ваннахъ, среди праздничной оргіи, но подобное недостойное кокетничанье со смертью нисколько не исчезло и теперь: пролезаютъ самоубійства въ театрахъ, на глазахъ у встревоженной толпы,—„краснаѣ“ смерть „на міру“, съ единственнымъ только смысломъ: порисоваться своимъ безпредѣльнымъ бравированіемъ... Какая цѣль этого публичнаго смертнаго приговора надъ собой? Не сказывается ли въ этомъ болѣзненно-гипертрофированное самолюбіе нашего „индивидуалистическаго“ поколѣнія,—жажда первенствовать, желающая во что бы то ни стало приковать къ себѣ всеобщее вниманіе, произвести сенсацію хотя бы собственной смертью, если этого не удалось сдѣлать жизнью?

Откуда взялось въ наше время нигилистическое отчаяніе въ жизни и, вообще, что или кто виноватъ въ разросшейся теперь эпидеміи самоубійствъ,—это все-таки неразрѣшенные вопросы, несмотря на то, что рѣшаютъ ихъ и въ цѣлыхъ специальныхъ сочиненіяхъ, и въ журнальныхъ статьяхъ въ бесѣдахъ съ интервьюерами, и со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Не обращались только съ этимъ вопросомъ къ литературѣ, которая одна, можетъ быть, дать болѣе вѣр-

ный отвѣтъ. Причины самоубійствъ—почти всегда *скрытыя*—*психологическія, интимныя*, а въ области психологическихъ интимностей литература не знаетъ себѣ соперниковъ. Именно литературное произведеніе въ состояніи вполне освѣтить темную душу самоубійцы и только оно въ своихъ наглядныхъ изображеніяхъ можетъ дать болѣе вѣрное представленіе о скрытой душевной трагедіи, которая приводитъ къ самоубійству.

Самоубійца нашего времени, какъ онъ представленъ новѣйшей литературой, по отношенію къ самоубійцѣ-герою старинныхъ произведеній литературы является чуть-ли не челоуѣкомъ съ иной планеты. Между ними двумя можно провести лишь параллель, которая вполнѣ оправдываетъ свой истинный смыслъ, она никогда не сольется: такъ мало общаго между ними. Именно въ этой параллели можно найти новое подтвержденіе мысли, что въ самоубійствахъ стараго времени нѣтъ и слѣда той психологически-затемненной, *запутанной* мотивировки, которую такъ трудно бываетъ распутать въ наше время. Самоубійцы, изображавшіеся старыми авторами, отличались почти младенческой несложностью чувства (большою частью чувства самой первобытной любовной страсти, которое послужило внутреннимъ мотивомъ ихъ добровольной смерти). Прежняя литература наша, въ молодую эпоху такихъ жизнерадостныхъ поэтовъ, какъ Пушкинъ, была переполнена оптимистическими настроеніями и настолько чужда „дукавыхъ мудрствованій“, что не умѣла изображать иныхъ самоубійцъ, кромѣ, какъ, напр., плаксивыхъ карамзиновскихъ „бѣдныхъ Лизъ“ и другихъ безконечно повторявшихся „Ромео“ и „Джюльеттъ“.

Но, не говоря уже о прямолинейности, меньшей *изысканности* въ психологіи самоубійствъ, прежняя наша классическая литература, вообще бодрая и ясная душой, въ количественномъ отношеніи, въ сравненіи съ литературой новѣйшей, даже на одну десятую не была загромаждена этими литературными самоубійцами. У Пушкина, Гоголя среди главныхъ героевъ нѣтъ ни одного самоубійцы...

Но все измѣнилось уже съ появленіемъ Достоевскаго, этого *провозвѣстника* собственно современной литературы, герои котораго меньше всего должны считаться „героями своего времени“, а скорѣе „героями“ самаго новѣйшаго безвременья: настолько переросъ Достоевскій свою современность.

Муза Достоевскаго—это муза сокровенныхъ психологическихъ тонкостей, и естественно, что самоубійцы его—это люди необыкновенно глубокаго и сложнаго душевнаго склада. Было бы ошибкой, конечно, заключить, что и въ будничной дѣйствительности самоубійцы образуютъ какую-то особую породу болѣе *значительныхъ людей*,—аристократовъ по своему духу, стоящихъ выше дюжины посредственности. У Достоевскаго они изображались болѣе значительными лишь потому, что въ нихъ, какъ своихъ героевъ, онъ вкладывалъ свою личную, выдающуюся индивидуальность и заставлялъ ихъ думать и чувствовать такъ же глубоко, какъ только могъ думать и чувствовать онъ самъ. Съ извѣстной точки зрѣнія въ этомъ *гиперболическомъ воспроизведеніи* жизни заключается, несомнѣнно, ея искаженіе...

Самоубійца Достоевскаго—всегда загадоченъ, почти таинствененъ. Онъ очень часто поражаетъ странностью и неожиданностью своего послѣдняго рокового финала, изощренностью, причудливостью своихъ предсмертныхъ настроеній... Кто желаетъ хоть отчасти разгадать тайну современныхъ загадочныхъ самоубійствъ, пусть прочтетъ страницы романовъ Достоевскаго: на примѣрѣ Кириллова („Бѣсы“)

онъ узнаеть, какіе бываютъ самоубійцы внутренняго убѣжденія; самоубійство Свидригайлова („Преступленіе и наказаніе“) познакомятъ съ тѣми извращенными *самоубійцами-циниками*, которые даже смерть свою стараются обратить въ какую-то циничную шутку; самоубійство Смердякова („Братья Карамазовы“), никѣмъ не предугаданное, къ которому и читатель остается совершенно неподготовленнымъ, поможетъ раскрыть инья изъ различныхъ неожиданныхъ, случайныхъ самоубійствъ.

Кромѣ этихъ примѣровъ, можно привести не мало и другихъ, но всѣ они будутъ свидѣтельствовать лишь объ одномъ: что самоубійцы нашего времени—дѣти не здороваго упадничества, „нашего нервнаго“, почти сумасшедшаго „вѣка“. За малымъ исключеніемъ, всѣ они обнаруживаютъ или расшатанность воображенія или крайнюю болѣзненность нрава, неестественнаго и психопатическаго.

Достоевскій разсѣиваетъ обычную иллюзію, будто самоубійцы имѣютъ право на какой-то ореолъ всеобщаго преклоненія, какъ „лучшіе люди“—слишкомъ чистые сердцемъ, чтобы преодолѣть черныя невзгоды и острую горечь жизни. Напрасно думаютъ, что „Дарвиновская борьба“ въ отношеніи къ человѣческому существованію примѣнима въ обратномъ смыслѣ: умираютъ нисколько не „лучшіе“, а неумбюіе „приспособиться“,—группа непригодныхъ къ жизни пессимистовъ, больныхъ самоубійць, во всемъ отчаявшихся и извѣрившихся. Это тѣмъ болѣе справедливо, что подтверждается не только произведеніями Достоевскаго, но и новѣйшей литературой.

Герои Достоевскаго по времени являются поколѣніемъ, предшествующимъ современному. Естественно, что отъ поколѣнія Смердяковыхъ и Свидригайловыхъ, невстренниковъ Раскольниковыхъ, преслѣдуемыхъ кошмарами и „проклятыми мечтами“, по закону наследственности и не могло произойти болѣе здороваго поколѣнія, чѣмъ *психопаты* и *ненавистники* современной новой литературы.

Самоубійцы въ произведеніяхъ новѣйшихъ модныхъ знаменитостей: Гамсуна, Пшибашевскаго, нашихъ Андреева, Соллогуба и прочихъ „великихъ“ писателей нашего маленькаго времени,—это во многомъ лишь повтореніе самоубійць Достоевскаго, такъ сказать, новое изданіе ихъ „исправленное“ лишь нѣкоторыми подробностями, напр., манернымъ бредомъ декаденщины, символистикой туманной и поверхностной, особымъ кошмарнымъ колоритомъ и другими подобными же качествами, превращающими глубоко интересныхъ героевъ Достоевскаго въ расплывчатые и пустые призраки современнаго литературнаго лихолѣтя.

Писатели послѣдняго періода, подобно Достоевскому, стараются проникнуть въ глубину человѣческой психологіи, и въ этомъ отношеніи ихъ произведенія, несомнѣнно, приходятся произведеніямъ Достоевскаго литературной родней. Самоубійства, воспроизводимыя ими, напоминаютъ самоубійства Достоевскаго своей сложной психологической подкладкой, отличаясь лишь вычурностью дурнаго тона и высканностью ужасовъ. Характерно, что самоубійць своихъ эти писатели заставляютъ страдать съ жестокостью палачей. Особенно отличается Пшибышевскій, писатель безъ чувства художественной мѣры, нерѣдко несносный нарочитымъ нагроможденіемъ мелодраматическихъ ужасовъ и страданій.

На фонѣ этихъ декадентскихъ кривляній вдвойнѣ долженъ оцѣниваться талантъ Чехова, писателя, который, можетъ быть, былъ послѣднимъ могиканомъ литературы Пушкина, Гоголя и ихъ послѣдователей, послѣднимъ, еще сохранившимъ прежнюю благородную простоту русской поэзіи. Именно Чеховъ въ разсказѣ „Володя“ далъ одно замѣчательное изображеніе одного юношескаго самоубійства.

Вотъ такія произведенія, точно такъ же какъ и тѣ изъ произведеній послѣдней литературной моды, которыя, можетъ быть, вычурны формой, но жизненны содержаніемъ,—имѣють чрезвычайную цѣнность, какъ отраженіе самаго затаеннаго и стыдливо оберегаемаго въ душѣ самоубійства. Трупъ самоубійцы—молчаливый ефинксъ, безответный, ничего не объясняющій, въ которомъ замерли недавнія страданія, и только беллетристъ можетъ воскресить ихъ вновь, путемъ литературнаго воспроизведенія трагедіи самоубійства.

Эпидемія самоубійствъ страшнѣе всякой медицинской эпидеміи, потому что не поддается лѣченію. Какое, въ самомъ дѣлѣ, лекарство можетъ противодѣйствовать этой смертельной болѣзни нашего вѣка?

Конечно, не философскимъ доводамъ противъ самоубійства,—старымъ, какъ оно само, одухотворить самоубійцу любовью къ жизни. Отвлеченная и безучастная метафизика, далеко не категорическая, часто опровергающая саму себя, не можетъ удержать отъ смерти человѣка, пренебрегающаго даже самыми дорогими интимными радостями жизни.

Религія? Да, при свѣтѣ религіи самоубійства бывають исключеніемъ, но, если судить по *литературному отраженію* самоубійцъ нашего времени,—среди нихъ безусловно нѣтъ дѣйствительно религіозныхъ людей.

(Ниж. Церк.-общ. вѣстн. 1910 г. № 36).

25-лѣтіе игуменства настоятельницы женскаго Кремлевскаго Вознесенскаго монастыря въ Москвѣ.

17-го іюня въ женской Вознесенской обители состоялось рѣдкое духовное торжество. Сестры названной обители чествовали свою настоятельницу—игуменію Евгенію.

Матушка Евгенія, положившая не мало трудовъ на благоуукрашеніе Вознесенской обители, хорошо извѣстна всѣмъ, кто интересуется судьбою Московскихъ монастырей. Она воспитала въ своихъ келіяхъ и около себя не одну игуменію. Ея опытомъ и мудрыми совѣтами пользуются и доселѣ, не смотря на преклонный возрастъ ея, нѣкоторыя игуменіи, какъ, напримѣръ, игуменія Лукинскаго монастыря Маргарита, духовно воспитавшаяся подъ надзоромъ игуменіи Евгеніи и настоятельствующая теперь въ монастырѣ, надъ устроеніемъ котораго трудилась, когда-то, матушка Евгенія.

Чествованіе матушки игуменіи Евгеніи началось еще наканунѣ 17-го іюня поднесеніемъ ей игуменіями Але-

1) По статьѣ „Woman's life in Africa. The miss. Review of the world. 1911. Іюнь.

ксѣвскаго и Рождественскаго монастырей цѣнныхъ иконъ—Алексія челоуѣка Божія и Рождества Богородицы.

Ко всенощному бдѣнію, наканунѣ празднества, прибыли преосвященные Трифонъ, епископъ Дмитровскій и Анастасій—Серпуховской.

Литія была совершена по особому чину, съ обхожденіемъ вокругъ собора, причемъ впереди епископовъ, архимандритовъ и духовенства была несена шитая шелками, въ ростъ, икона преподобной Евфросоніи—этой первой инокини Вознесенской обители.

17-го іюня въ Вознесенскую обитель въ 8^{1/2} часовъ утра изволила прибыть Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна, которой было благоугодно выразить свое вниманіе матушкѣ Евгениі поднесеніемъ ей иконы мученицы Евгениі, чуднаго письма, въ старинномъ серебряномъ окладѣ. Въ это же время игуменію посѣтилъ преосвященный Парѣній, архіепископъ Тульскій.

Въ 9 час. началась литургія въ предстояніи трехъ преосвященныхъ: епископа Трифона, Анастасія и Василия. Пѣвчіе прекрасно исполнили за литургією пѣснопѣнія Рахманинова.

Послѣ литургіи слѣдовало молебствіе съ провозглашеніемъ установленныхъ многолѣтій, съ присоединеніемъ многолѣтія настоятельницѣ Вознесенскаго монастыря.

По окончаніи молебствія преосвященный Трифонъ обратился съ задушевнымъ привѣтствіемъ къ престарѣлой настоятельницѣ обители и, призвавъ на нее благословеніе Божіе, благословилъ ее иконой Казанской Богоматери. Затѣмъ игуменію Евгению привѣтствовали сердечными словами преосвященные Анастасій, благословившій матушку иконой Владимірской Богоматери и—преосвященный Василій.

Отъ Вознесенской обители свою настоятельницу привѣтствовали сестры обители во главѣ съ казначеею, поднесшія матушкѣ золотой наперсный крестъ, украшенный брилліантами.

Духовенство монастыря, во главѣ съ о. протоіереемъ Пшеничниковымъ, поднесло игуменію икону Вознесенія Господня въ серебряной ризѣ, а хоругвеносцы икону съ изображеніемъ преп. Евфросиніи и мученицы Евгениі.

Изъ храма, гдѣ привѣтствовали игуменію Евгенію преосвященные, сестры обители, духовенство и хоругвеносцы, всѣ почитатели настоятельницы, во главѣ съ епископами, въ мантіяхъ, духовенствомъ, игуменію Евгенію и игуменіями разныхъ обителей, которыхъ было 14, направились въ покои чествуемой матушки игуменіи Евгеніи. Это шествіе сопровождалось пѣніемъ многолѣтія.

Въ покояхъ настоятельницы ей были поднесены иконы настоятелями — Давыдовой пустыни Валентиномъ — икона Спаса Нерукотвореннаго, Петровскаго монастыря Никодимомъ — икона святителя Іоасафа, Златоустовскаго монастыря — икона апп. Петра и Павла. Священникъ Лукинскаго монастыря о. Фрязиновъ поднесъ матушкѣ икону Михаила Архангела. Духовенство Головинскаго монастыря поднесло икону Казанской Богоматери. Священники Великихъ Лукъ, Нечаянной Радости, игуменъ Геосиманскаго скита о. Илларій и отъ Зосимовой пустыни поднесены были иконы преп. Нила, Нечаянной Радости, Черниговской Богоматери и Смоленской Божіей Матери. Затѣмъ матушка игуменія съ благоговѣніемъ приняла святые иконы отъ игуменій: Новодѣвичьяго монастыря — икону Спаса Нерукотвореннаго, Никитскаго — икону Никиты мученика и Димитрія Селунскаго, Ивановскаго — икону Іоанна Крестителя, шитую шелками и золотомъ, Зачатіевскаго — икону св. Алексія Митрополита Моск., Скорбященскаго — икону Спаса Нерукотвореннаго, Казанскаго Головинскаго монастыря — икону Казанской Богоматери, Покровской Общины — икону Покрова Пресвятыя Богородицы, Крестовоздвиженскаго Лукинскаго монастыря — икону Іерусалимской Богоматери, Хотькова монастыря — икону Ангела Хранителя, Зосимовой пустыни — Смоленской Богоматери, Акатовскаго Александроневскаго монастыря — икону Благовѣщенія Богоматери, Князевладимірскаго монастыря — икону Князя Владиміра. Настоятельница Бѣжицкаго монастыря, Тверской губ., игуменія Евстоля поднесла игуменіи Евгеніи картину — Храмъ Великомученицы Екатерины изъ пробки. Изъ Екатеринбургa, отъ Новотихвинскаго монастыря, было прислано большое фарфоровое блюдо, съ портретомъ игуменіи Евгеніи Озеровой — духовной наставницы матушки Евгеніи и картина Соборнаго храма Вознесенія Господня. Игуменія Великихъ

Луковъ и начальница общины сестеръ милосердія подъ покровительствомъ Великой Княгини Ольги Александровны принесли матушкѣ Евгеніи нѣсколько рукодѣльныхъ работъ. Келейныя матушки поднесли ей складень Іоанна Златоуста, муч. Мануила и препод. Евфросиніи. Рукодѣльницы монастыря приготовили къ этому дню воздухи, шитыя шелкомъ и золотомъ, а сестры живописной—блюдо прекрасной работы съ видами всѣхъ храмовъ монастыря. Діаконъ Крестовоздвиженскаго монастыря поднесъ портретъ почившаго Митрополита Іоаникія своей работы.

Не захотѣли отстать отъ взрослыхъ и дѣти-пріютки монастыря. Они поднесли своей доброй попечительницѣ, замѣняющей имъ мать, шитое шелками изображеніе Екатерининскаго храма.

На другой день послѣ торжественнаго чествованія матушки Евгеніи ее изволилъ посѣтить Московскій Перво-святитель—Митрополитъ Владиміръ, который благословилъ матушку игуменію иконой Святителя Николая и выразилъ архипастырское пожеланіе, чтобы она и впредь трудилась на благо своей обители.

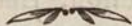
Откликнулись на это духовное торжество, которое имѣло мѣсто въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, изъ разныхъ концовъ Россіи и другіе почитатели доброй настоятельницы, которая, кстати замѣтимъ, не задолго предъ своимъ юбилеемъ удостоилась Высочайшей милости, выразившейся въ награжденіи ея Царскимъ портретомъ съ собственноручной надписью Государя Императора.

Отъ почитателей, не имѣвшихъ возможности лично привѣтствовать матушку Евгенію, получено много писемъ и телеграммъ.

И нельзя не радоваться этому духовному торжеству. Оно говоритъ о томъ, что какъ бы не былъ усыпанъ терніями жизненный путь строителей общественнаго порядка и духовнаго преуспѣянія общества, однако они находятъ безпристрастныхъ цѣнителей своихъ трудовъ.

Юбилейное торжество игуменіи Вознесенскаго монастыря досточтимой матушки Евгеніи и является такою оцѣнкою, нужною, можетъ быть, не столько ей, сколько тѣмъ, кто среди скорбей несетъ на себѣ трудное бремя, возлагаемое долгомъ и совѣстью.

Духовное торжество въ день 25-лѣтія игуменства Евгении есть очевидное завѣреніе въ томъ, что не тщетна работа честнаго дѣятеля, что на христіанскую любовь всегда найдется откликъ въ любви тѣхъ, кто цѣнитъ эту любовь.

Библиографія.

Проповѣди, составл. діакономъ московской Троицкой, въ Кожевникахъ, церкви Димитріемъ Казанскимъ. М. 1911 г. Цѣна 25 к., 67 стр.

Въ означенномъ небольшомъ сборникѣ проповѣдей о діакона Д. И. Казанскаго 19 поученій, изъ которыхъ 4 на дванадцатые праздники (Крещеніе, Срѣтеніе, Благовѣщеніе и Воздвиженіе), четыре на дни памяти святыхъ (Кира и Іоанна, Ап. Петра и Павла, преп. Серафима и преп. Сергія Радон. чуд.), 8 на рядовые воскресные дни (мытаря и фарисея, блуднаго сына, о страшномъ судѣ, въ прощенное воскресенье, на великій постъ, въ 5 нед. поста, женъ мученицъ и о разслабленномъ), 2 поученія на средніе праздники (Покровъ и явленіе Казанской иконы Божіей матери) и одно—надгробное (при отпѣваніи родителя о, діакона).

Проповѣди о діакона Д. И. Казанскаго просты и безыскусственны. Авторъ обычно излагаетъ сперва историческія свѣдѣнія о событіи или святомъ, излагаетъ ихъ всегда съ возможною полнотою и существенными подробностями, а затѣмъ уже дѣлаетъ соотвѣтствующіе нравственные выводы изъ этихъ свѣдѣній, всегда краткіе, но естественные и прямые.

Почуенія о діакона Казанскаго конечно не претендуютъ на мѣсто и значеніе поученій, особо чѣмъ либо выдающихся. Нѣтъ, это—скромный и сильный трудъ столь же скромнаго, видимо, рядоваго приходскаго, но трудолюбиваго о. діакона. Значительной похвалы заслуживаетъ уже самая готовность о. діакона принести пользу церкви своимъ безыскусственнымъ проповѣданіемъ.

Какъ первый, повидимому, литературный вообще и проповѣдническій—въ частности, трудъ о. діакона Д. И. Казанскаго,—сборникъ этотъ не лишень и нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ недостатковъ. Нѣкоторая длинота 3-4 поученій, присущая исторической части всѣхъ вообще поученій, сухость изложенія и краткость нравственныхъ приложеній—вотъ главнѣйшіе изъ этихъ недостатковъ. Со временемъ, вѣроятно, у автора само собою выработается проповѣдническій навыкъ больше назидать своихъ слушателей проповѣдями, чѣмъ сообщать имъ только такія или иныя, хотя и полезныя, но для проповѣди лишнія, свѣдѣнія.

Все таки и настоящій сборникъ поученій о. діакона заслуживать благосклоннаго отношенія со стороны пастырей церкви. Всякому труженику въ области проповѣдыванія этотъ сборникъ принесетъ нѣкоторую пользу. Внѣшность сборника достаточно опрятна, а цѣна совсѣмъ недорога.

С. А. П.

Лѣтопись епархіальной жизни.

Освященіе храма въ Дуброво-Сергіевской женской обшинѣ Верейскаго уѣзда. Пять лѣтъ тому назадъ было положено начало новой женской обители. На прибрѣтленномъ о. протоіереемъ А. И. Пшеничниковымъ участкѣ земли въ 2-хъ верстахъ отъ села Дуброва, Верейскаго у., былъ устроенъ небольшой хуторъ, гдѣ поселились вщущія подвиговъ и трудовъ дѣвушки. Черезъ два года—въ 1908 году было намѣчено въ 1-й верстѣ отъ хутора въ

глухомъ лѣсу, на вершинѣ отвѣсной горы, мѣсто для каменнаго храма и начата его постройка. 24-го іюля сего 1911 года храмъ этотъ былъ освященъ преосвященнымъ Анастасіемъ, еп. Серпуховскимъ.

Наканувѣ, къ 7 часамъ вечера, Владыка прибылъ въ обитель.

При входѣ въ св. храмъ основатель и строитель обители протоіерей А. И. Пшеничниковъ обратился къ Владыкѣ съ приветственной рѣчью. О. протоіерей отъ всей души поблагодарилъ архипастыря за его любовь къ общинѣ, любовь, подвигшую его на трудное путешествіе изъ Москвы въ лѣсную глушь, гдѣ находится обитель. На томъ мѣстѣ, продолжалъ о. протоіерей, гдѣ выстроенъ св. храмъ, еще недавно былъ дремучій лѣсъ, служившій прибіжищемъ зайцамъ и обиталищемъ птицъ небесныхъ. А теперь здѣсь устроенъ домъ Божій, и въ немъ раздается хвала Творцу и Богу...

Преосвященный Владыка, взоидя на амвонъ, произнесъ краткую рѣчь, гдѣ повѣдалъ слушателямъ о первомъ своемъ посѣщеніи этого мѣста 4 года назадъ. „Тогда была только мысль о храмѣ и намѣреніе создать его, а теперь св. храмъ стоитъ уже благоуукрашенный, какъ невѣста къ вѣнцу, готовый къ воспріятію божественной благодати чрезъ освященіе его и помазаніе св. муромъ“. При этомъ владыка приглашалъ всѣхъ вознести усердныя молитвы къ Богу, да низойдетъ на мѣсто сіе благодать Всесвятаго Духа.

Всенощное бдѣніе совершалъ сакелларій Успенскаго собора прот. Н. И. Пшеничниковъ съ протодіакономъ Ивановымъ, при пѣніи хора монахинь Моск. Вознесенскаго монастыря. Во время литіи, которую служилъ Владыка съ сонмомъ духовенства, былъ совершенъ крестный ходъ вокругъ новаго храма. Въ служеніи всенощной (а также и литургіи) принимали участіе архимандритъ Валентинъ, благочинный монастырей, протоіерей А. И. и Н. И. Пшеничниковы, священники А. А. и И. А. Пшеничниковы, В. А. Юваловъ и мѣстный благочинный о. Введенскій.

Въ концѣ всенощной послѣ великаго славословія владыка посвятилъ въ рясофоры 8 насельницъ обители. Умилителенъ и трогателенъ былъ этотъ обрядъ, особенно тамъ, въ новой обители! Вѣдь всѣ эти будущія монахини такъ недавно были вполнѣ мірскими дѣвушками. Надѣвши рясу и клобукъ, онѣ сдѣлали первый и самый трудный шагъ „къ ангельскому образу“. Почти всѣ онѣ отъ волненія плакали. У многихъ и изъ богомольцевъ можно было замѣтить на глазахъ слезы.

Богослуженіе кончилось только въ 11 часу ночи.

Утромъ 24-го іюля послѣ ранней литургіи въ Дубровскомъ храмѣ изъ села Дубры отправился крестный ходъ съ хоругвями и иконами въ новый обительскій храмъ. Шли: о. протоіерей А. И. Пшеничниковъ, который несъ на дискосѣ св. мощи, прибывшее на торжество духовенство и масса народа. Стояло чудное, ясное, тихое утро. Во время всего пути тысячная толпа народа „единными усты“ пѣла различныя церковныя пѣнопѣнія, и мощный гласъ народный далеко разливался по окрестностямъ. Въ 8 часовъ прибылъ въ новый храмъ Владыка, и началось горжественное освященіе храма и престола; затѣмъ крестный ходъ вокругъ храма и Божественная литургія. Храмъ и площадь около него были переполнены собравшимся изъ окрестныхъ деревень народомъ. Въ концѣ литургіи Владыка произнесъ слово, обращенное гл. обр. къ сестрамъ обители. Въ этомъ словѣ Владыка ярко изобразилъ то, что ожидаетъ юныхъ дѣвъ въ иноческой жиз-

ни,—тѣ труды, лишенія, молитвенные подвиги м. б. скорби и обиды, которые выпадутъ на ихъ долю... Но пусть онѣ не падаютъ духомъ! Пусть онѣ всегда помнить, что многіе подвижники переносили гораздо большіе труды и лишенія, чѣмъ предстоятъ имъ, однако силою духа своего и при помощи благодати Божіей побѣдили всѣ испытанія и искушенія плоти. Таковъ былъ напр. небесный покровитель новой обители преп. Сергій, таковы преп. Антоній и Θεодосій, Марія Египетская... При этомъ владыка привелъ изъ твореній св. Іоанна Златоуста весьма трогательныя и сильныя слова, въ которыхъ великій святитель проводитъ параллель между жизнью богатыхъ и знатныхъ дѣвъ до иноческой жизни и во время ея.

Послѣ литургіи владыка долго благословлялъ богомольцевъ, а священники раздавали имъ религиозно-нравственные и миссіонерскіе листки.

Дуброво-Сергіево общино стоитъ отъ Москвы въ 120 верстахъ: 80 верстъ по Бресткой ж. д. до ст. Шелковка, 27 в. по шоссе до г. Верей и 13 верстъ до села Дуброва по проселку.

Въ настоящее время въ обители живутъ 19 сестеръ. Скоро будетъ назначена и настоятельница общины.

С. В. Ю.

Содержаніе: Двѣ Матушки.—Извѣстія и замѣтки.—25-лѣтіе игуменства настоятельницы женскаго Кремлевскаго Вознесенскаго монастыря въ Москвѣ.—Лѣтопись епархіальной жизни.—Объявленія.

При семъ № прилагается „Московский Благовѣстъ“ № 37. Цѣна листовъ безъ пересылки 70 коп. за 100, съ пересылкой 90 коп. При выискѣхъ на 6 руб. пересылка бесплатно.

Оставшійся „Благовѣстъ“ за прежніе годы продается въ Редакціи по 35 коп. за сотню безъ пересылки.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извѣковъ.

Исп. об. редактора
Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

Духовныя лица и ихъ семейства пользуются на льготныхъ условіяхъ въ зубоврачебныхъ кабинетахъ

Мих. Матв. БРАТЕНШИ.

Всѣ зубныя операціи **безъ боли**, искусств. зубы обыкновенные и мостовидные.

Кузнецкій Мостъ, Кузнецкій пер. Тел. 79—45.

Проповѣди на воскресные и праздничные дни,

діак. Д. И. Казанскаго, 67 стр. ц. 25 коп.

Получить м. Епархіальный д. Голубева, Никольская ул. и у автора: Москва, Кожевники, ц. Троицы.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей

20 августа.

34.

1911 года.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссийскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Синодальному Члену, Преосвященному Владиміру, Митрополиту Московскому и Коломенскому, Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Священно-Архимандриту.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 23-го іюля сего года № 316, о разрѣшеніи открыть въ Московской епархіи съ наступающаго 1911—12 учебнаго года третье епархіальное женское училище, съ отнесеніемъ содержанія его на изысканныя мѣстныя средства и съ помѣщеніемъ временно въ училищномъ зданіи Московскаго Скорбященскаго монастыря. ПРИКАЗАЛИ: Принимая во вниманіе, что, какъ усматривается изъ настоящаго представленія Вашего Преосвященства, а) существующія въ Московской епархіи два епархіальныхъ женскихъ училища чрезмѣрно переполнены воспитанницами, такъ что открытіе въ названной епархіи третьяго епархіальнаго училища является совершенно необходимымъ, б) временное помѣщеніе для новаго училища можетъ быть дано въ зданіи Скорбященскаго монастыря, съ содержаніемъ его на средства свѣчнаго завода и на взносы, взимаемые съ учащихся за обученіе примѣнительно къ установленной въ двухъ другихъ училищахъ платѣ за обученіе и г) къ устройству постояннаго зданія училища изыскиваются все способы и есть надежда, съ помощію Божіею, на осуществленіе сего въ не столь отдаленное время, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить съ наступающаго 1911—12 учебнаго года открыть въ Московской епархіи третье епархіальное женское училище, съ отнесеніемъ содержанія его на изысканныя мѣстныя средства и съ помѣщеніемъ временно въ училищномъ зданіи Московскаго Скорбященскаго монастыря; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ. Іюля 26-го дня 1911 г. № 9892. За Оберъ-Секретаря *С. Подгорецкій*. Секретарь *С. Соколовъ*.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Опредѣлены:

1) На вакансію діакона къ церкви с. Анискина, Богор. у., псаломщикъ с. Воловниковъ, Клинскаго у., Константинъ *Мошковъ*, 5 августа.

2) На вакансію діакона къ Московской Введенской, что въ Семеновскомъ, церкви псаломщикъ той же церкви Алексѣй *Ильинскій*, 5 августа.

3) На вакансію священника къ церкви с. Милятина, Мож. у., учитель Иосифовской, при Волоколамскомъ монастырѣ, церковно-приходской школы Владиміръ *Списковъ*, 9 августа.

4) На вакансію священника къ Московской Никитской, за Яузю, церкви діаконъ Московской Димитріе-Селунской, что у Тверскихъ воротъ, церкви Владиміръ *Павловъ*, 6 августа.

5) На вакансію священника къ церкви с. Морозова, Дмитр. у., бывшій священникъ с. Тишкова, Серп. у., Аркадій *Лебедевъ*.

6) На вакансію псаломщика къ церкви с. Ассаурова, Дмитр. у., заштатный псаломщикъ церкви при ст. „Сходня“, Моск. у., Михаилъ *Кротковъ*, 12 августа.

7) На вакансію діакона къ церкви с. Софвина, Бронн. у., псаломщикъ Воскресенскаго, г. Рузы, собора, Владиміръ *Некрасовъ*, 12 августа.

Перемѣщены:

1) На вакансію діакона къ Московской Николаевской, въ Новой Слободѣ, церкви діаконъ на пономарской вакансіи Большого Успенскаго собора Гавріиль *Демокритовъ*, 9 августа.

2) Геродіаконъ Николо-Угрѣшскаго монастыря *Назарій*—въ число братства Спасо-Преображенскаго Гуслицкаго монастыря, ради пользы службы, 10 августа.

3) Священникъ Московской Евпловской, на Мясницкой, церкви, Дмитрій *Ромашковъ* на вторую священническую вакансію къ Московской Богородицержественской, за Смоленскими воротами, церкви, а священникъ сей послѣдней Теодоръ *Орловъ*—на настоятельскую вакансію къ Евпловской, что на Мясницкой, церкви, 11 августа.

4) На вакансію священника къ церкви с. Васильевского, Серп. у., священникъ с. Черленкова, Серп. у., Викторъ *Моригеровскій*, 11 августа.

5) Иеромонахъ Юрьева монастыря, Новгородскій еп. *Анатоній* въ число братства Московскаго Никольскаго единовѣрческаго монастыря, 11 августа.

6) На вакансію псаломщика къ Московской Николаевской, именуемой Большой Крестъ, церкви псаломщикъ Московской Николомокринской церкви Алексѣй *Доброумовъ*, 11 августа.

7) На вакансію псаломщика къ церкви с. Ахтырки, Дмитр. у., псаломщикъ с. Ассаурова, того же у., Николай *Казанцевъ*, 12 августа.

Уволены за штатъ.

1) Священникъ церкви с. Милятина, Мож. у., Константинъ *Звѣтринскій*, согласно прошенію, 9 августа.

2) Діаконъ церкви с. Софвина, Бронн. у., Александръ *Павловъ*, согласно прошенію, 12 августа.

3) Псаломщикъ Вознесенской церкви г. Коломны Михаилъ *Колосовъ*, согласно прошенію, 12 августа.

Утвержденъ въ должности.

И. д. псаломщика Воскресенскій, с. Воскресенскаго, при р. Шошѣ, церкви, Клинскаго у., Александръ *Рождественскій*, съ посвященіемъ въ стихарь, 11 августа.

Архипастырское благословеніе.

Его Высокопреосвященствомъ 5 авг. преподано архипастырское благословеніе псаломщику церкви с. Покровскаго-Засѣкина, Звен. у., Иоанну *Бухареву* за усердную службу Церкви Божіей.

Отъ Совѣта Холмской второклассной мужской школы.

Совѣтъ Холмской второклассной школы честь имѣть просить Завѣдующихъ. Законоучителей и Учителей начальныхъ училищъ сообщить родителямъ тѣхъ изъ окончившихъ курсъ начальной школы учениковъ, которые желали бы продолжать образованіе, что въ означенной второклассной школѣ пріемный экзаменъ въ объемъ курса начальной школы будетъ произведенъ 1-го сент. с. г.

Принимаются мальчики, имѣющіе къ 1-му сент. полные 12 лѣтъ. При школѣ имѣется общежитіе. Ученики пользуются бесплатно учебниками и письменными принадлежностями, а въ обществѣ баней, стиркою бѣлья и постелью, но безъ подушки. Столъ, кромѣ чая, получаютъ или за плату въ количествѣ 27 руб. за все учебное время или вносятъ натурою потребное количество продуктовъ, установленное Совѣтомъ школы.

При поступленіи требуется представить свидѣтельство или удостовѣреніе отъ священника объ окончаніи курса начальной школы и свѣдѣніе о лѣтахъ (безъ герб. марокъ).

Окончившіе курсъ второклассной школы получаютъ свидѣтельство на право учительства въ школѣ грамоты и льготу по воинской повинности 2-го разряда.

Почт. адр. Клементьево (Моск. губ.) с. Холмъ. Ближайшая къ школѣ желѣзнодорожная станція—Можайскъ Моск. Брестской жел. дороги—въ 18 вер.

ПЕРЕВОДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанницъ Филаретовскаго епархіальнаго училища.
IV классъ 1-е отдѣленіе.

Переводятся въ 5 классъ:

1) Барбарина Любовь, Богоявленская Анна, Богоявленская Клавдія, Богоявленская Марія, 5) Богданова Нина, Вишнякова Марія, Высотская Лидія, Гребневская Наталія, Казанцева Татіана, 10) Коренкова Елизавета, Лебедева Александра, Любимова Варвара, Маркова Анна, Молчанова Антонина, 15) Мясоѣдова Марія, Надеждина Марія, Недумова Александра, Нечаева Марія, Озерцовская Клавдія, 20) Орлова Анна 1-я, Орлова Марія, Розанова Елизавета, Скобѣева Екатерина, Соболева Ольга, 25) Соколова Александра, Соколова Анна, Соколова Варвара, Соловьева Марія, Спискова Софія, 30) Страхова Вѣра, Успенская Александра, Честнова Капитолина.

Для перехода въ 5 классъ должны сдать экзамень:

Холина Анна—по церковному пѣнію, Протопопова Варвара—по арифметикѣ.

Должны сдать переэкзаменовки:

35) Смирнова Анна—по русск. яз. устно и диктанту, Рождественская Евдокія—по французскому языку, Нечаева Глафира—по нѣмецкому языку, Розанова Александра—по русск. яз. устно и диктанту, Крылова Любовь—по французскому языку, 40) Меандрова Татіана—по словесности, Озерецковская Антонина—по диктанту, Розанова Марія—по русск. яз. устно и диктанту, Морозова Любовь—по диктанту и арифметикѣ, Преображенская Антонина—по словесности и арифметикѣ, 45) Доброва Марія—по русск. яз. устно, диктанту и словесности, Виноградова Варвара—по русск. яз. устно, диктанту и арифметикѣ, Городецкая Марія—по словесности и арифметикѣ, Кондорская Екатерина—по русск. яз. устно сочиненію и нѣмецк. яз., Ключарева Юлія—по словесности, арифметикѣ, франц. и нѣмец. языкамъ, 50) Войнова Татіана—по русск. яз. устно, словесности и церковному пѣнію.

Оставляются въ томъ же классѣ:

Павлова Зинаида—по малоуспѣшности, Орлова Анна 2-я—по малоуспѣшности.

IV классъ 2-е отдѣленіе.

Переводятся въ 5 классъ:

1) Архангельская Антонина, Архангельская Клавдія, Богословская Антонина, Вележева Екатерина, 5) Виноградова Александра, Виноградова Елена, Волкова Марія, Добролюбова Глафира, Ильинская Клавдія, 10) Лебедева Евгения, Мошкова Валентина, Муравьева Любовь, Орлова Анна, Патокина Александра, 15) Полтева Татіана, Рождественская Анна, Розанова Александра, Розанова Марія, Розанова Юлія, 20) Скворцова Анна 1-я, Скворцова Анна 2-я, Смирнова Анна, Смирнова Антонина, Смирнова Зинаида, 25) Соколова Евгения, Соколова Марія, Уклонская Анна, Успенская Параскева, Хавская Ольга, 30) Холмогорова Пелагія.

Должны сдать переэкзаменовки:

Грузинова Елизавета—по церковному пѣнію, Пермская Людмила—по словесности и церковному пѣнію, Пospѣлова Серафима—по арифметикѣ, Розанова Лидія—по церковному пѣнію, 35) Черневская Людмила—по церковному пѣнію, Викторова Глафира—по словесности, Десницкая Марія—по церковному пѣнію, Кадышева Екатерина—по арифметикѣ, Другова Клавдія—по русск. яз. устно и диктанту, сочиненію и церковному пѣнію, 40) Лебедева Александра—по русск. яз. устно и диктанту, Милославина Варвара—по церковному пѣнію, Розанова Татіана—по русск. яз. устно, диктанту и церковному пѣнію, Солнцева Зинаида—по нѣмецкому яз. и церковному пѣнію, Знаменская Варвара—по словесности и сочиненію, 45) Никатова Валентина—по арифметикѣ, нѣмецкому яз. и церковному пѣнію, Покровская Серафима—по русск. яз. устно, диктанту, нѣмецкому яз. и церковному пѣнію, Честнова Марія—по русск. яз. устно, диктанту, словесности и французскому языку, Соколова Елизавета—по словесности, сочиненію, французскому и нѣмец. яз.

Оставляются въ томъ же классѣ:

Тархова Наталія—по малоуспѣшности, 50) Воздвиженская Марія—по малоуспѣшности, Знаменская Θεодосія—по малоуспѣшности, Никольская Анна—по малоуспѣшности.

Увольняется за неявкой въ училище по неизвѣстной причинѣ: Ильинская Марія.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извъковъ.

Редакторъ Секретарь Консисторія
П. Беллавинъ.

„Русская Печатня“. Садовая-Триумфальная, домъ № 170.